

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 323.1(=161.3)(091)«18»+008(=161.3)(091)«18»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144>

Поступила в редакцию 16.04.2019
Received 16.04.2019

В. К. Игнатов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ТРУДАХ
М. О. КОЯЛОВИЧА**

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов М. О. Кояловича на проблему исторических судеб и будущего белорусского народа. Выявлена взаимосвязь между мировоззрением М. О. Кояловича и идеями славянофилов. Осуществлена историко-философская реконструкция процесса формирования М. О. Кояловичем концепции развития белорусских земель в XIX в. Раскрыты основные положения его программы национального возрождения белорусов: создание с помощью Великой России национальной аристократии, ремесленно-торгового и промышленного слоя, развитие народного образования, сохранение белорусской самобытности в условиях межцивилизационных конфликтов. Показано, что одной из основных идей в творчестве М. О. Кояловича, сохранившей свое значение и в современную эпоху, явилась его мысль об уникальной способности белорусского менталитета соединять в своей картине мира духовное многообразие мировых культур.

Ключевые слова: западнорусизм, М. О. Коялович, культурное наследие, национальное самосознание, конфликт и диалог цивилизаций, белорусская национальная идея

Для цитирования: Игнатов, В. К. Исторические судьбы белорусского народа в трудах М. О. Кояловича / В. К. Игнатов // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 135–144. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144>

Vladimir K. Ignatov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HISTORICAL DESTINIES OF THE BELARUSIAN PEOPLE IN THE WORKS OF M.O. KOYALOVICH

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of M. O. Koyalovich on the problem of the historical fate and future of the Belarusian people. Interrelation between the worldview of M. O. Koyalovich and the ideas of Slavophiles has been explicated. Historical and philosophical reconstruction of the process of forming by M. O. Koyalovich of the concept of the development of Belarusian lands in the 19th century was carried out. Main provisions of his program for the national revival of Belarusians are revealed: creation, with the help of the Great Russia, of national aristocracy, artisan-commercial and industrial stratum, public education was created, Belarusian identity in conditions of inter-civilizational conflicts was preserved. It is shown that one of the main ideas in the work of M. O. Koyalovich, which has retained its importance in the modern era, was his thought about the unique ability of the Belarusian mentality to combine in its picture of the world the spiritual diversity of world cultures.

Keywords: zapadnorusizm, M. O. Koyalovich, cultural heritage, national self-consciousness, conflict and dialogue of civilizations, Belarusian national idea

For citation: Ignatov V. K. Historical destinies of the Belarusian people in the works of M. O. Koyalovich. *Vestsi Natsyonal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 135–144 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144>

Введение. М. О. Коялович являлся одним из тех мыслителей, кто стоял у истоков белорусской национальной идеи. В его сочинениях возник образ белорусского народа, выходящего из исторической тени на дорогу полнокровной национальной жизни. Поклонник славянофильской теории, М. О. Коялович внес в ее классический облик новые духовные смыслы, посвятив свой научный талант делу создания собственной концепции родного края, осмыслению исторических судеб белорусского народа.

Основная часть. В XX в. «западнорусизм» как научный термин для обозначения идейного, историко-культурного, этноконфессионального и общественно-политического движения в Российской империи, вдохновляемого духовным лидерством М. О. Кояловича, стал общепринятым. А как сам мыслитель определял собственное мировоззрение?

В своих работах М. О. Коялович не единожды и в самых превосходных тонах говорил о славянофильстве, считая его не имеющим себе равных духовным проводником и в общероссийской, и в западнорусской жизни, характеризуя его «как лучшее русское воззрение и руководство в тамошних делах» [1, с. 29]. Историк любил подчеркнуть свою приверженность субъективизму и в интеллектуальной мысли, и в научном исследовании. «Вредны и нежелательны произвольные философские теории, – писал он, – вредны и нежелательны поспешные, поверхностные выводы, но вообще субъективное воззрение – и неизбежно, и необходимо, и желательно» [2, с. 550]. Путеводной звездой в мире восточнославянской культуры для М. О. Кояловича стал, по его словам, «славянофильский субъективизм – самый лучший субъективизм для научного изучения прошедших судеб России» [3, с. 5]. Но интеллектуальное достоинство славянофильства не исчерпывалось, по мнению историка, его способностью наилучшим образом познавать минувшее. Эта теория «выделяла русский народ, как своеобразный и самобытный... Обрисовывалась русская национальность и связывалась с общечеловеческим историческим движением... Русско-славянский мир открывал в себе идеалы жизни, которых не мог игнорировать ни один народ» [2, с. 341–342]. Это высказывание М. О. Кояловича не оставляет сомнений в том, что он отводил славянофильству выдающуюся роль в истории восточнославянской мысли.

В русской культуре начала XIX в. возникло новое умственное движение, выразившее желание многих представителей образованной верхушки общества творчески переработать знания, полученные ими из западного духовного источника: «...сильное, систематическое увлечение Западной Европой большого числа русских людей, в том числе и ученых, чаще и чаще приводило к сознанию чуждых нам национальных форм, являвшихся у нас под видом научности, заставляло очищать науку от этих чужих национальных форм, выделять из них чистые научные формы и расширять действительно научные требования из области нашей истории» [2, с. 248]. Появилась целая плеяда русских мыслителей, блиставших не только великолепной западноевропейской образованностью, но и обладавших оригинальным мышлением, органически связанным с национальным духом. «Из этой воспитательной среды, – отмечал М. О. Коялович, – вышли такие люди, как Погодин, Хомяков, Киреевские, Самарин, Аксаковы, из уст которых не раздавалось ни слова против знания, против науки, но которым, конечно, никто не откажет во всецелом служении началам русской жизни. В этих славных явлениях нашей русской жизни молодой, даровитый в своей истории, русский человек покорял сам своей народности лучшие приобретения старых народов и этим как бы открывал действительный смысл дел нашего гения Петра» [4, с. 691]. Славянофильство стало самобытным течением национальной мысли, выдвинувшим свои идеалы как исконно русские: «Идеалы эти обыкновенно связывают с западноевропейскими философскими теориями Гегеля и Шеллинга. Мы их будем связывать с прежде добытыми результатами в научной разработке русской истории, что и вернее, и полезнее» [2, с. 335–336].

Изложение М. О. Кояловичем славянофильской теории содержит один из разделов его капитального труда «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» [2, с. 332–363]. Согласно М. О. Кояловичу, весь негативный пафос славянофильства был обращен на Западную Европу и на те явления русской жизни, которые подверглись ее особенно сильному воздействию. Ранние славянофилы видели предназначение Запада в устройении материальной стороны существования, но отказывали ему в праве быть образцом высшего нравственного идеала жизни как отдельной личности, так и человеческих обществ. Правда, позднее славянофилы стали признавать достижения западной культуры в области не только материальных интересов, но и высших сфер знания, и даже допускали заимствование лучших ее свершений – при условии приведения их к согласию с русскими духовными и нравственными устоями. «Но чего решительно не допускали славянофилы, – писал М. О. Коялович, – это усвоения нравственных идеалов Запада и тем более восприятия целиком какой-либо западноевропейской народности» [2, с. 335]. Поэтому славянофилы осуждали преобразования Петра I, ибо они резко

отделили жизнь высшего русского общества от жизни простого народа. Указывая на самобытные стороны славянского жизнеустройства – общину и земство, славянофилы видели в них выражение «внутренней, нравственной» правды [2, с. 336–338]. Христианство просветило и возвысило природное нравственное начало русского народа, связав его неразрывными узами с восточным вероисповеданием: «Православие в России приросло к русской народности, оно слилось с ней неразсторжимо, оно – сущность русской народности» [2, с. 342].

Славянофильство стало духовной основой создаваемой М. О. Кояловичем концепции Западной России. Как сам историк определял понятие «Западная Россия»? «Под именем западной¹ России нужно разуметь Белоруссию, западную Малороссию, или так называемую Украину и Литву в собственном, племенном смысле...»² [5, с. 7]. Этот обширный регион Российской империи являлся цельным и неразрывно связанным с Восточной Россией [5, с. 8–11]. Население Западной России было представлено несколькими этносами, но преобладали среди них литовцы, малороссы и белорусы [5, с. 28–29]. Все эти народы связала единая историческая судьба: период общерусской жизни в эпоху правления потомков киевского князя Владимира; затем – пребывание под властью литовских государей, но осененное русским началом; время господства Польши, сопровождавшееся утратой собственной аристократии, предавшей забвению родную культуру, потерей большей части горожан, поглощенных польским жизненным укладом или вытесненных еврейством; наконец, возвращение под скипетр русского монарха и постепенное пробуждение к новой жизни [5, с. 8]. Западная Россия всегда была единым организмом, какие бы препятствия на пути к «объединению Малороссии и Белоруссии» ни воздвигала история [7, с. 375–377]. Белорусы и малороссы обладали самобытными чертами, отличающими их как от великороссов, так и от поляков, но «людям, близко знающим Россию и Польшу, понятно и ясно, как Божий день, что оба эти племена – Белорусы и Малороссы – тот же Русский народ, что они не могут быть причисляемы к Польскому народу» [8, с. VI].

Каково же было положение белорусского народа в период написания «Лекций по истории Западной России»?³

На долю народов Западного края выпало немало тяжелых испытаний, но самая печальная участь досталась белорусскому «племени» [5, с. 33–34]. Страна, где проживают белорусы, обладает скудными природными ресурсами, ее территория почти сплошь покрыта песками, болотами и лесами, раздробляющими население на малочисленные группы. «Все это племя, – писал М. О. Коялович, – во всех местах носит на себе печать вялости, бессилия, изнеможения»⁴ [9, с. 549]. Но было время, когда белорусы являлись вершителями судеб Западной России [9, с. 550]. В Великом Княжестве Литовском и в первые годы существования Речи Посполитой высокий

¹ В работах М. О. Кояловича можно встретить написание слова «западная» в названии края как со строчной, так и с прописной буквы. Суждение М. Д. Долбилова о стремлении ученого подчеркнуть историко-культурную уникальность Западной России при использовании им заглавной буквы представляется нам близким к истине [6, с. 810, прим. 124].

² Данная статья носит сугубо научный, историко-философский характер. Поэтому все цитаты из произведений М. О. Кояловича приводятся в оригинальном виде, с сохранением авторской терминологии, определений, наименований территорий, народов и т. д.

³ «Лекции по истории Западной России» увидели свет в 1864 г. В 1883 г. вышло второе, переработанное издание книги под названием «Чтения по истории западной России», в 1884 г. были опубликованы третье и четвертое издания. В предисловии к четвертому, ставшему последним, увидевшим свет при жизни М. О. Кояловича, изданию этого сочинения, он писал: «В течение двадцати лет, прошедших со времени первого издания этих чтений, много пронеслось также разных и новых воззрений на дела западной России и много разных направлений выразилось в деятельности и русских, и польских, и немецких, и жидовских людей той страны. Я не нашел возможным принимать что-либо важное из этих новых наслоений в понимании западной России, и все существенные мои взгляды оставил как они были в первом издании этого моего труда» [5, с. 5–6].

⁴ По прошествии более 20 лет с момента выхода в свет сочинения «О расселении племен Западного края России» М. О. Коялович, описывая поколение белорусов, родившееся после 1861 г., с удовлетворением отмечал благотворность влияния на него атмосферы свободы: «Прежде всего меня поражало, какое большое число между ними людей видных, красивых, с теми удивительными оттенками кротости и мягкости, какими отличается белорусское племя. Белорусская раса несомненно теперь улучшается. Улучшается она и в развитии своих духовных сил... В обычных сношениях молодой белорус держит себя свободно, в глазах светится сознание своей свободы и своих гражданских прав...» [1, с. 31].

моральный дух белорусского народа создавал почву и для благоденствия восточнохристианской церкви, и для распространения православной науки, и для развития общественного самоуправления в форме братств. Влияние белорусов начало ослабевать в XVII в., когда они стали лишаться своих прежних вождей, воспринимавших традиции польской цивилизации [9, с. 550].

В XIX в. социальная панорама западнорусской жизни являла собой пропасть, разделяющую народ, сохранивший «древнейшие начала своей жизни» [9, с. 549], и верхний слой, давно уже принявший польский культурный облик [5, с. 15]. В Западной России «народ стоит в великом уединении» [5, с. 15]. Большинство белорусов – земледельцы [5, с. 41]. Совсем немногих из них можно причислить к горожанам, еще меньшее количество составляли священнослужители, а к высшему обществу принадлежали буквально единицы [10, с. 677].

Однако этот одинокий, отторженный от своей прежней социальной элиты народ не смирился со своей незавидной участью [11, с. 12]. Память о великом историческом прошлом побуждала его к поиску путей выхода из угнетенного, приниженного состояния, к пробуждению. «Запертый, сдавленный народ, – отмечал М. О. Коялович, – не может не желать себе простора... Естественно при этом рождается вопрос: не погибнет ли этот народ, вынесет ли он свои трудности? На это можно ответить: пять веков его ломали, давили, и, однако, он сохранился и теперь оживает» [11, с. 38].

Стремление белорусского народа к развитию омрачало тяжелое наследие минувшего, порождая нередко разочарование и безволие [12, с. 433]. «Западная Россия тем и несчастна, – писал историк, – что бедна своими силами, которым даже при возбуждении приходится немало бороться с собственной неподвижностью, апатией, робостью и недоверчивостью. Всякое западнорусское дело трудно» [13, с. 373]. Препятствием на пути его возрождения являлось не только «настоящее нравственное бессилие Западной России» [14, с. 598], наступившее вследствие глубоких изменений, пережитых страной менее чем за столетие. Конец исторического существования Речи Посполитой, возвращение униатов в лоно православной церкви, два польских восстания, общие для всей Российской империи потрясения лишь обострили вековые недуги Западной России: невозможность народу отстаивать свои права ни в суде, ни силовым путем [14, с. 598–599]. Переход в высшее сословие наиболее даровитым представителям белорусского народа был перекрыт польской аристократией, шляхтой, чиновниками и их многочисленной челядью [5, с. 48]. Но и дорога в среднее сословие, выход из земледельческого состояния в разряд горожан, ремесленников, торговцев для народа Западного края были крайне затруднены из-за засилья еврейства [5, с. 41–42]. Рисуя картину социального положения белорусов, М. О. Коялович не скупился на мрачные краски: «Народ Западной России не имеет своих верных органов ни в печати, ни в обществе, ни в официальной сфере, для которой это невозможно. Не гласит о нем даже тихо родное, теплое слово, не имеет он сильных, всецело ему отданных ходатаев, видных, неодолимых преградами руководителей. Над ним стоит сфера официальная, которая, при всем добром желании, не может взять на себя и выдвигать все народное дело, потому что назначение ее – быть беспристрастной даже к народности и вере. Над ним стоит сфера общественная польская, которая исторически призвана, т. е. сама призвала себя, давить и заслонять его. Над ним лежит еще один покров – дырявый, но едва открывающий доступ свету Божию, покров жидовства – этого невольного виновника и спутника исторических мук западнорусского народного духа. Этот дух, разобщенный с общественной средой, – весь в непроходимых лесах, в неизмеримых болотах, в необозримых степях, в сообществе неисчислимых духов мира религиозной народной области и потому еще менее доступный нашему фактическому, материальному, холодному воззрению» [15, с. 525–526].

Существовала ли возможность взрастить новую элиту Западной России или ее народ был обречен на положение социального страдальца с перспективой исчезновения с исторической сцены? Для М. О. Кояловича поиск ответа на этот вопрос на протяжении всей его творческой жизни носил судьбоносный характер. В дни Январского восстания историк писал о духовных вождах белорусского народа, хранивших его культурное достояние и оберегавших его от польского влияния на протяжении многих столетий [16, с. 411]. Это – православное белое духовенство [16, с. 411]. Большие надежды М. О. Коялович возлагал и на лучших выходцев из крестьянства

и шляхты, видя в них будущих лидеров, способных противопоставить нравственную силу русского мира материалистической силе польской цивилизации [14, с. 597]. Но, с горечью писал историк, «жизнь западнорусская очень тяжела, и сплошь да рядом случалось до последнего времени, что из десяти великолепных надежд – прекрасных даровитых личностей, обещавших богатую деятельность для блага Западной России, девять погибало от разъедающей латино-польской среды и совершенного отсутствия поддерживающей руки» [12, с. 433]. М. О. Коялович был убежден, что преодолеть искушения и воздействие польской культуры народ Западного края и его нарождающаяся элита смогут только благодаря помощи Восточной России: «Создать ему из себя свой верхний и средний класс людей, своих руководителей очень трудно, да едва ли и возможно. Ему необходима помощь со стороны того же восточнорусского народа, к которому он стремился в течение стольких веков. Из Великой России должна прийти Западной России подмога к образованию высшего образованного класса и среднего. Теперь настало время самой неутомимой и самой решительной общественной борьбы в Западной России русских и литовских начал жизни с польскими и еврейскими» [11, с. 220].

Залогом того, что Западную Россию впереди ожидает процветание, а не гибель, М. О. Коялович считал единство трех народов – великороссов, малороссов и белорусов: «Народное, боевое государство Московское, несомненно, заложенное преимущественными трудами великорусского племени, потому было крепко и разрослось, что все русские племена – не только великорусское, но и малорусское и белорусское, смотрели на него просто как на русское, родное им, и всегда шли к нему, как к своему родному, многообещавшему в будущем...» [2, с. 664]. Свидетельства восточнославянского единства ученый видел и в «Повести временных лет», и в русских летописях эпохи Средневековья [2, с. 62, 66, 72], и в современной ему действительности. «Если отправляться в западную Россию из русского средоточия, – писал М. О. Коялович, – то придется неизбежно и самым наглядным образом убедиться, что западная Россия, несомненно, русская страна и связана с восточной Россией неразрывными узами, именно придется чаще всего самым нечувствительным образом переходить от великороссов к белорусам или малороссам; часто даже нелегко будет заметить, что уже кончилось великорусское население и началось белорусское или малорусское, но во всяком случае придется признать, что все это – один русский народ, от дальнего востока внутри России до отдаленного запада в пределах Польши и Австрии» [5, с. 9].

Главной основой общерусского единства М. О. Коялович считал православную веру [2, с. 342]. Народ Западной России на протяжении всей своей истории хранил верность идее монархии [5, с. 217]. В отличие от Польши, в период самостоятельного существования в Великом Княжестве Литовском преобладал монархический уклад [17, с. 227–228].

Но единство веры и народности, приверженность монархическому принципу не означали, по мысли М. О. Кояловича, абсолютного тождества всех трех ветвей общерусского народа. «Славянофилы при всем их внимании и предпочтении склада русской жизни во времена Московского единодержавия, – отмечал историк, – не могли не уважать самобытных местных и племенных особенностей русского народа. В славянофильской теории находили уютное место особенности малороссийской, белорусской жизни, и даже стали к ним тянуть инородцы...» [2, с. 340]. В сочинениях М. О. Кояловича тема своеобразия Западной России являлась одной из самых главных. Важнейшей задачей российской науки ученый считал создание цельного представления о западнорусской жизни, ее истории, самобытности Западного края [5, с. 20–25; 9, с. 553–554]. Возникновение в русской душе сопереживания народу Западной России будет благоприятствовать, полагал историк, разрешению многих недоразумений, связанных с недостаточным усвоением великороссами того факта, что народ, будучи разделенным в течение нескольких столетий, не мог не сформировать своеобразные жизненные уклады, не нарушающие изначального общерусского единства [5, с. 20]. Уважение своеобразия Западной России могло бы примирить общество Восточной России с мыслью, что «жизнь западнорусская не только затрудняет осуществление идеальных воззрений, но часто противится осуществлению и таких, которые уже воплотились в особой, более или менее ограниченной, данной историей и местностью, форме, – например, в форме великорусских воззрений» [18, с. 368].

Важнейшими направлениями деятельности русского общества в Западной России М. О. Коялович считал возведение и отделку храмов, развитие народных школ и снабжение их книгами, содействие активизации общественных движений белорусского народа, отбор претендентов из числа великорусов, направляемых в западные губернии на службу в органах власти [19, с. 579–582]. Однако основной задачей русского общества в Западной России, полагал ученый, должна быть борьба с польской и еврейской цивилизациями. Один из самых ярких портретов поляка у М. О. Кояловича – образ колонизатора, заселившего Западную Россию и навязавшего свой цивилизационный порядок коренным малороссийскому, белорусскому и литовскому народам, порождением чего стала их «историческая вражда к польскому здесь племени» [9, с. 544]. Помощь, оказываемая русской общественностью белорусскому народу, должна была быть направлена не на пассивное восприятие благ, а на рост собственных возможностей улучшения жизни: «Постоянная помощь – постоянное детство! Лучше – постоянное, умное, сердечное братство, умные, благотворительные меры» [20, с. 620]. Вращивать из представителей белорусского народа новое панство М. О. Коялович считал пагубным занятием [20, с. 622]. Наилучший способ смены социального статуса историк видел в переходе крестьян к торговой либо промышленной деятельности [20, с. 622]. Но эти сферы экономической жизни Западной России были заняты евреями [20, с. 622]. М. О. Коялович решительно отвергал возможности диалога с еврейской цивилизацией, считал утопической идею интеграции русского мира и еврейского сообщества [20, с. 622]. «Сохрани Бог, угнетать евреев, – писал историк, – пусть они живут и благоденствуют; но нужно помнить, что нигде в Европе нет такого ненормального, губительного для народа положения евреев, как у нас. Нигде их нет столько в сравнении с народом и нигде они так плотно не замкнуты, как у нас... Евреи замкнулись в своей корпорации – кагальном устройстве, при котором невозможны никакие изменения в их направлении, бессильны все попытки даже лучших евреев быть полезными людьми. Кагальная корпорация задавит всякое реформационное движение в жидовстве, не допустит ни малейшего наплыва новых сил, обойдет и парализирует десятки мер» [20, с. 622–623].

Средствами, способными создать из нынешних земледельцев рабочий класс, М. О. Коялович считал такие, как запрет евреям возводить христианские церкви, обучение ремесленничеству в народных школах, создание обществ для оказания различных видов помощи кустарям из народа в организации ими ремесленного производства, осуществление работ по прокладке дорог и осушению болот [20, с. 623]. Для того чтобы ускорить выход белорусского народа из земледельческого состояния, историк предлагал особое внимание уделять развитию не гимназий, поощрявших, по его мнению, стремление крестьянских детей «перескочить через евреев в своего рода панство» [20, с. 624], а двух- трехклассных училищ с обучением ремеслу, предоставлявшим их выпускникам возможность вести не только крестьянскую, но и промысловую деятельность либо стать коммерсантом [20, с. 624]. Главное предназначение этих училищ, по мысли М. О. Кояловича, – создать основы для зарождения промышленного, ремесленного, торгового слоя исключительно из представителей белорусского народа, пробудить в нем творческий дух, стремление к занятию предпринимательством, чтобы он мог успешно конкурировать с еврейским капиталом, послужить первоначальным импульсом в деле создания собственного среднего класса [21, с. 654–657]. Ученый прекрасно отдавал себе отчет, что для достижения этих целей потребуются годы неустанного, кропотливого труда. «Там, где в течение веков безжалостно убивали предприимчивость в народе, – отмечал историк, – где в каждом почти городе на одного христианина приходится около десяти жидов, которым удавалось и удастся убивать торговые предприятия даже панов и опытных русских купцов, там нечего мечтать, что народ так сейчас и свалит иго жидов» [21, с. 656]. Однако М. О. Коялович был убежден в необходимости неукоснительно следовать по пути создания нового социального облика белорусского народа, какие трудности и препятствия не пришлось бы преодолеть во имя достижения этой цели. «Мы не сомневаемся, – писал ученый, – что десять, пятнадцать лет умного, терпеливого ведения таких училищ изменили бы заметно и экономическое, и политическое положение страны. Одно сознание народа, что он может выделять из себя промышленные и торговые силы, одна решимость его действительно выделять такие силы среди себя – равносильны были бы десяткам

лучших правительственных мер к устройству нормального положения страны» [21, с. 657]. М. О. Коялович призывал центральные власти и русскую общественность не жалеть ни сил, ни средств для развития училищ [21, с. 658–659]. Возникновение в народе Западного края социальных слоев, способных соперничать с польскими и еврейскими деловыми кругами, дало бы возможность России, как полагал историк, похоронить мечты поляков о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г., сохранить сотни тысяч человеческих жизней и огромные финансовые ресурсы.

Многочисленные обращения М. О. Кояловича к русскому обществу об оказании им всемерной помощи белорусскому народу неизменно сопровождались призывами сохранять своеобразие его жизненного уклада: «...мне невольно вспоминается передаваемое Нестором призывание в Россию рода Руссов. Только я позволю себе отнести эти слова к Великой России от лица Западной и изменить их так: нет у нас людей, нет и наряду, а ваша земля велика, и обильна, и устроена: придете княжить и владеть нами, но не по-пански, как поляки, а по-братски, как следует русским» [19, с. 582]. Дисгармонию в русское триединство могли внести, по мнению историка, как пафос имперского единообразия, так и склонность к пестованию локальной уникальности, возвышению местного своеобычия. Поэтому в концепции Западной России М. О. Кояловича неизменно проявлялись два мотива: стремление сохранить региональную самобытность и желание утвердить представление о целостности русской цивилизации.

Часто сетуя на скудость белорусских общественных сил и призывая к их пополнению за счет выходцев из Великороссии, М. О. Коялович, особенно в поздний период своего творчества, не раз высказывал сожаление по поводу малочисленности местных представителей в государственных структурах Западного края. «Официальная среда пополняется приезжими из внутренней России, — отмечал ученый, — но приезжие не могут наполнить всех мест, да и не хорошо это было бы» [22, с. 3]. Недоверие центральной власти к внутренним общественным ресурсам края порождало уродливые формы казенного русификаторства: «У нас так много заняты обрусением этой страны; но, к сожалению, обрусение понимается чаще всего самым неправильным и пагубным образом. Обрусение понимается не так, что нужно подкреплять, оживлять и пополнять тамошних русских людей, а так, что их нужно заменять новыми русскими людьми. От этого везде происходит... великая смута и путаница...» [22, с. 13]. В то же время белорусский народ, как считал М. О. Коялович, отнюдь не обделен талантами. Главное преимущество уроженцев Западной России — их знание местных особенностей, специфики белорусской ментальности, обычаев и традиций народной жизни.

О губительных для белорусского народа идеях обрусения М. О. Коялович писал постоянно, нередко прибегая к самым острым выражениям и не скрывая своего крайне отрицательного отношения к практике бюрократического произвола и грубого подавления местных особенностей. Историк отмечал, что приезжие чиновники, руководствуясь в своей деятельности правильной, по сути, установкой, что «служение русскому делу в Западной России должно быть выше всего» [21, с. 649], зачастую проводят ее в жизнь в «диктаторной форме...» [21, с. 649]. «...Некоторые маленькие власти в Западной России, — писал М. О. Коялович, — приказывают народу переменять костюм, прическу по великорусским образцам, гнушаются слышать малороссийскую или белорусскую речь и требуют, чтобы волостные чины и ученики сельских училищ непременно и всегда говорили книжным русским языком» [21, с. 649].

Идея цельности русского мира была важнейшей в размышлениях М. О. Кояловича об исторических перспективах Западной России. На эту тему он высказывался многократно и с огромным внутренним воодушевлением. «Будущее развитие этой страны, — отмечал историк, — будущее объединение и Малороссии, и Белоруссии, и Великой России — неоспоримо станут и этим путем идти вперед и вперед. Тогда не будет ни по управлению, ни по общественной деятельности того пагубного разъединения принципов и теорий между Белоруссией и Малороссией, какое существует теперь и которое уже столько раз губило общее западнорусское и общерусское народное дело» [7, с. 378]. Интересы России требовали осуществления такой меры, как строительство железной дороги из Москвы в Киев с ответвлениями в сторону белорусского края и в отдаленные уголки украинской земли [23, с. 632–633]. Это позволило бы установить более

прочное соединение северной и южной частей Западной России, создать благоприятные условия для притока в нее великорусских сил, сформировать мощный общерусский оплот, способный противостоять польскому, еврейскому, немецкому воздействиям и тенденциям сепаратизма. Появление новой инфраструктуры послужило бы дополнительным источником для реализации целого ряда как внутрироссийских, так и геополитических задач: укрепление юго-западной границы, расширение культурных связей с южнославянскими народами, развитие религиозного паломничества [23, с. 634–635].

Мысль о неприятии сепаратизма красной нитью проходит через многие сочинения ученого. «Трудно измерить зло, – писал историк, – какое происходит уже теперь от нашего интеллигентного сепаратизма. Им уже занимаются не одни пустые люди, искатели личных выгод, но и хорошие люди, и последствия такого разделения нередко больно отзываются в тамошней жизни. Но еще важнее будут последствия, когда этот сепаратизм станет развиваться логически и направится и в Белоруссии в среду простого народа, как это уже делается в Малороссии» [1, с. 29]. Однако М. О. Коялович полагал, что белорусский народ не только не склонен к восприятию сепаратистских взглядов, но и способен оказать содействие украинскому народу в преодолении искушения идеей обособления от «русского дела» [5, с. 23]. «...Белоруссия... так бедна, – отмечал ученый, – что не может допускать праздных теорий, отвлеченных мечтаний, да и белорусское племя так близко к великорусскому, что никакой сепаратизм не может в нем иметь силы» [5, с. 23]. Более того, историческая судьба белорусов была полна столь глубокими испытаниями, что достойно удивления, как они сохранили ощущение своей уникальности. У белорусов «нелегко могла вырабатываться любовь к родному и энергические ее выражения. Легче могло развиваться, напротив, желание пересоздаться в кого угодно, – в великоруса или поляка, лишь бы как-нибудь выйти из тяжелого положения» [9, с. 549].

Важнейшей идеей М. О. Кояловича стала мысль об особой, отличной от общерусской, миссии белорусского народа – быть выразителем идеи согласия как внутри триединого русского народа, так и между Россией и Западом. М. О. Коялович полагал, что его родина «способна внести в общее дело такие умиротворяющие начала, которые будут подвигать дальше и дальше сближение малороссийского элемента с великорусским, а может быть, сближение с ним и с собою и польского элемента» [9, с. 552].

Заключение. Сегодня творческое наследие М. О. Кояловича служит одним из интеллектуальных источников в научных дискуссиях о современной белорусской идентичности. Далеко не все взгляды, высказанные им более ста лет тому назад, выдержали строгий суд истории. Неувядающей остается мысль М. О. Кояловича о способности белорусского народа выходить за пределы своей национальной частичности, прозревать духовный смысл, скрытый в иных человеческих сообществах, глубоко воспринимать культурные достижения других народов. Дар погружения в самое сердце универсальных духовных основ предоставляет Беларуси уникальную возможность стать в XXI в. одним из главных созидателей диалога мировых цивилизаций.

Список использованных источников

1. Коялович, М. Поездка в Западную Россию : очерк / М. Коялович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1886. – 38 с.
2. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 682 с.
3. Коялович, М. О. Разбор критики К. Н. Бестужева-Рюмина на сочинение М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1885. – 28 с.
4. Коялович, М. О. Как восстает наше русское общество из своего нравственного падения? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 681–696.
5. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2006. – 474 с.
6. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 999 с.
7. Коялович, М. О. Исторические воспоминания по поводу пинских братств / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 375–378.
8. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше = *Dokumente servant a éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne.* – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1865. – ССIII, 658 с.

9. Коялович, М. О. О расселении племен Западного края России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 538–554.
10. Коялович, М. О. Разъяснение недоразумений газеты «Голос» / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 669–678.
11. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 5–221.
12. Коялович, М. О. Несколько слов о графе Димитрие Николаевиче Блудове: Западной России на память / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 429–433.
13. Коялович, М. О. Приглашение записываться в церковные братства Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 370–374.
14. Коялович, М. О. Где наши силы? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 595–607.
15. Коялович, М. О. Народное движение в Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 525–537.
16. Коялович, М. О. Письма к отцу Иосифу Васильеву (протоиерею Посольской церкви в Париже) об униатском вопросе / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 394–417.
17. Коялович, М. О. Люблинская уния Литвы с Польшею в 1569 г. / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 222–264.
18. Коялович, М. О. Письмо к редактору «Дня» / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 366–369.
19. Коялович, М. О. Об отношении русского общества к Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 572–582.
20. Коялович, М. О. Нужны промыслы, нужны ремесла в западнорусском народе / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 620–624.
21. Коялович, М. О. Как устроить нормальное положение в Западной России? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 647–659.
22. Коялович, М. О. Поездка в середину Белоруссии / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1887. – 17 с.
23. Коялович, М. О. Еще о направлении наших железных дорог / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 625–635.

References

1. Koyalovich M. *Trip to Western Russia*. St. Petersburg, Department of lots printing house, 1886. 38 p. (in Russian).
2. Koyalovich M. O. *The history of Russian self-consciousness according historical monuments and scientific writings*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2011. 682 p. (in Russian).
3. Koyalovich M. O. *An analysis of the criticism of K. N. Bestuzhev-Ryumin on the essay of M. O. Koyalovich "The history of Russian self-consciousness according historical monuments and scientific writings"*. St. Petersburg, F. Eleonsky and K^o printing house, 1885. 28 p. (in Russian).
4. Koyalovich M. O. How does our Russian society rise from its moral decline? *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 681–696 (in Russian).
5. Koyalovich M. O. *Readings on the history of western Russia*. Minsk, Belorussian Encyclopedia, 2006. 474 p. (in Russian).
6. Dolbilov M. D. *Russian land, alien faith: the ethnic and confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 999 p. (in Russian).
7. Koyalovich M. O. Historical memories of the Pinsk brotherhoods. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 375–378 (in Russian).
8. *Documents explaining the history of the Western Russian land and its relationship to Russia and Poland*. St. Petersburg, Edward Pratz printing house, 1865. CCIII, 658 p. (in Russian, in French).
9. Koyalovich M. O. On the resettlement of the tribes of the Western land of Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 538–554 (in Russian).
10. Koyalovich M. O. Clarification of the misunderstandings of the newspaper "Voice". *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 669–678 (in Russian).
11. Koyalovich M. O. Lectures on the history of Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 5–221 (in Russian).
12. Koyalovich M. O. A few words about Count Dimitry Nikolayevich Bludov: to Western Russia as a keepsake. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 429–433 (in Russian).
13. Koialovich M. O. Invitation to sign up for the church brotherhoods of Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 370–374 (in Russian).
14. Koyalovich M. O. Where are our strengths? *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 595–607 (in Russian).
15. Koyalovich M. O. Popular Movement in Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 525–537 (in Russian).
16. Koyalovich M. O. Letters to Father Joseph Vasiliev (Archpriest of the Embassy Church in Paris) about the Uniate issue. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 394–417 (in Russian).

17. Koyalovich M. O. Lublin Union of Lithuania with Poland in 1569. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 222–264 (in Russian).
18. Koyalovich M. O. Letter to the editor of The “Day”. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 366–369 (in Russian).
19. Koyalovich M.O. On the attitude of Russian society to Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 572–582 (in Russian).
20. Koyalovich M. O. The West Russian people need trades, need crafts. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 620–624 (in Russian).
21. Koyalovich M. O. How to arrange a normal situation in Western Russia? *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 647–659 (in Russian).
22. Koialovich M. O. *A trip to the middle of Belarus*. St. Petersburg, Department of lots printing house, 1887. 17 p. (in Russian).
23. Koyalovich M. O. Once more about the direction of our railways. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 625–635 (in Russian).

Информация об авторе

Игнатов Владимир Константинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ivk110857@gmail.com

Information about the author

Vladimir K. Ignatov – Ph. D. (Philos.), Senior Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ivk110857@gmail.com